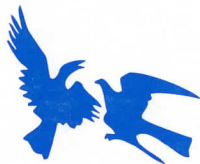

ISSN 0130-8165

ПОДЪЕМ

5

35
371 2

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

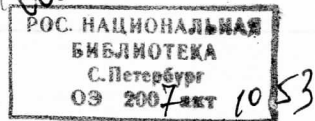
ПОДЪЁМ

ОСНОВАН
В ЯНВАРЕ 1931 ГОДА

Воронеж ■ 2007

5

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ	Олег КОРОЛЁВ, глава администрации Липецкой области. В центре России 5
ПРОЗА	Владимир ПЕТРОВ. Белым снегом... Повесть 9 Александр НОВОСЕЛЬЦЕВ. Старые песни. Рассказы 46 Владимир КОРОТЕЕВ. Душа любезная. Рассказы 72 Алексей КОЛЯДОВ. Не откупился. Рассказ 83 Татьяна ТУЧКОВА. По великой любви. Рассказы 90
ПОЭЗИЯ	Александра ТАМБОВСКАЯ. Липецк. Стихи 8 Ни отрады, ни света — без Родины нет... Стихи Бориса ШАЛЬНЕВА, Людмилы ПАРЩИКОВОЙ, Евгения ОВСЯННИКОВА (42), Сергея ЖЕРЕБЯТЬЕВА, Андрея ФРОЛОВА, Анатолия НЕСТЕРОВА (68), Владис- лава ЗОРИНА, Натальи СТЮФЛЯЕВОЙ, Леонида ШИР- НИНА, Раисы ЯСИНСКОЙ (97), Вячеслава СИДОРОВА, Эммы МЕНЬШИКОВОЙ, Аллы ЛИНЕВОЙ (109)
КРИТИКА	Людмила САТАРОВА. Разрушитель и созидатель. (М. Шолохов и Ф. Крюков: неизбежность конфликта)... 103
КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО	Елена БОЙКОВА. В белой горенке. (Липецкий композитор Алексей Вершинин: фольклорные истоки творчества) 114
ПЕРЕД ЛИЦОМ ИСТОРИИ	Евгений БЕЛОЗЕРЦЕВ. Абсолютная ценность. (Образование в жизни современной России) . . . 127
МЕМУАРЫ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ	Константин СКУФЫН. Записки елецкого мещанина. Предисловие С. Охремчика 132
СЫНЫ ОТЕЧЕСТВА	Василий ШАХОВ. Великий сын Подстепья 176
ТОЧКА ЗРЕНИЯ	Александра ТАМБОВСКАЯ. Два полюса литературы 184 Виктор ОСКОЛКОВ. «А России все меньше становится...» (Заметки о творчестве липецких поэтов) 189
ТЕАТРАЛЬНЫЙ СЕЗОН	Ольга ШКАТОВА. Зачем мы идем в театр! (Липецкий драматический театр на Соколе) 199
ДАЛЕКОЕ- БЛИЗКОЕ	Виктор ЕЛИСЕЕВ. Марфинская экономия 204

Василий Шахов

ВЕЛИКИЙ СЫН ПОДСТЕПЬЯ

Гудаловка — во многих энциклопедиях мира обозначено это место рождения выдающегося мыслителя, культуролога, просветителя, общественного деятеля Георгия Валентиновича Плеханова (1856–1918). Как и Константиново — для Есенина, Ясная Поляна — для Льва Толстого, Спаское-Лутовиново — для Тургенева.

Идущее из далекого прошлого название селения восходит к кустарному промыслу: изготовление из дерева игрушечных *гуделок*. Далевский «Словарь великорусского языка» дает трактовку слова «гуделка»: брунчалка, игрушка, деревяшка или кисточка, вздетая на двойную веревочку, которую закручивают и растягивают, отчего кисточка (деревяшка) урчит или гудёт.

Возможна и иная трактовка. Поблизости располагались селения Гудовка, Гудово, названия которых прослеживалось от «гудящих» ручьев, издававших своеобразный шум (гудение).

По документам начала семнадцатого века в составе вотчины князя Алексея Никитовича Трубецкого значилась Пустошь Семеновская. Впоследствии — Семёновка, Гудаловка. «Ревизские сказки» характеризовали владельческое сельцо Малая Семёновка (Гудаловка, Голеновское).

С 20-х годов XX столетия село носит имя Георгия Валентиновича Плеханова.

* * *

...Жоржик — на руках у няни. В детскую, тоскливо-взыскующе мяукнув, вполз охромевший кот. Пушистое хвостатое существо являло собой весьма жалкое зрелище. О страданиях четвероногого усатого хвостоносца красноречиво свидетельствовала кровотоющая лапа, подрагивающая на уровне растерянных глаз попавшего в беду мышеловца. Сострадательный Жоржик просит ссадить его самого с ласковых няниных рук, чтобы в этих руках незамедлительно оказался несчастный кот, так нуждающийся в неотложной помощи и заботе. Няне непонятен детский ультиматум. Но Жоржик энергично настаивал. Рев плехановского наследника подтверждает его готовность не сдаваться в своем требовании. Тогда няня спускает ребенка с рук и, обиженная, направляется к матушке Жоржика — Марии Федоровне. «Я взялась барское дитя носить, а не кота», — объясняет она свою позицию. Коту все-таки оказали необходимую ветеринарную помощь. Жоржика же пришлось успокаивать гудаловским частушечным присловьем:

У котика, у ката
Была мачеха лиха.
Она была ката
Поперек живота.
А кот с горюшка,
Кот с кручинушки,
Кот на печку пошел,
Горшок каши нашел.
На печи калачи,
Как огонь горячи.
Пряники пекутся,
Коту в лапки не даются...

Георгий Валентинович, впоследствии вспоминая былое, шутивно-иронично называл происшедшее в детстве своим первым революционным выступлением.

...Первое знакомство с горчицей. По просьбе Жоржика Валентин Петрович передал сыну ложечку неведомого ранее лакомства. Мальчик ожегся, покраснел, прослезился, но, не показав вида, что попал впросак, проглотил огненную приправу. — «Хочешь еще?» — иронично поинтересовался отец. — «Хочу!» — не сдавался юный упрямец. Валентин Петрович попотчевал его второй ложкой горчицы. Тактично вмешалась мать Мария Федоровна, чтобы возвратить «испытание» сына в разумное русло.

...Чувство страха придет потом. А сейчас — руки сжимают поводья. Прильнул к гриве. Затаил дыхание... Какое-то неведомое ранее чувство полета, знобящей легкости, невесомости. Чувство окрыленности. Переходящая в восторг уверенность: он держится, он не соскользнул с седла, он подчинит себе строптивого коня!

Подробности будут сказаны-пересказаны потом. Просьба к отцу: разрешить самостоятельно покататься на настоящем скакуне, а не на той добродушной Лысухе, на которой его учили сидеть верхом.

Неожиданно для сына отец сказал «добро». Предполагалось спокойное привыкание, постепенное наращива-

ние скорости. Но случилось что-то, внезапно всполошившее коня: то ли клетот пролетавшего низко орла, то ли укус шершня, то ли извечное озорство вольнолюбивого и гордого мустанга. Конь диковато ржанул и пружинно ринулся в луга.

«Держись, Георгий!.. Держись!..» — только и успел выдохнуть отец...

* * *

Отставной штабс-капитан В.П. Плеханов купил у вдовы коллежского assessора Натальи Петровны Андреевой, как гласила купчая, «деревянный дом с имеющимся при нем подворным строением в г. Липецке в 1-й части 38 квартала со всем при нем приусадебным местом под № 1». Событие сие произошло 20 октября 1897 года. До того времени многочисленное семейство имело проживание в родовом имении Гудаловке.

В это время Жорж готовился отбыть в губернский Воронеж, чтобы поступить в Воронежскую военную гимназию. В августе 1868-го Георгий был зачислен во второй класс оной гимназии.

Краеведы дотошничают: когда же впервые побывала в Липецке будущая всемирная знаменитость? Сестра его Клавдия Валентиновна вспоминала потом, как не раз отлучалась с братьями в уездный Липецк. В мемуарах Клавдии Валентиновны есть особое упоминание о визите (по поручению отца) в Липецк ее братьев — Федора и Георгия.

Розалия Марковна Плеханова, хранительница наследия своего знаменитого мужа, инициатор открытия в 1920-е годы плехановского музея на его «малой родине», признавалась: «Когда я познакомилась с зеленым городком Липецком, действительно утопающим в зелени, с чудным его местоположением на холмах, с которых открывается незабвенный вид на

долину реки Воронеж, с его синеющими прудами, озерами, сочными лугами и густыми хвойными лесами — сказала себе: мне понятна теперь любовь Георгия Валентиновича ко всему прекрасному, к природе, животным, скульптуре, поэзии. Здесь, в Липецке, развилась эта поэтическая сторона его натуры...» «На родине борца и мыслителя» — поименовал свое стихотворение, созданное на рубеже 1930-х годов, поэт Алексей Липецкий (А.В. Каменский), которого называли «липецким Есениным»:

В Гудаловке старуха помнит дни,
Когда по саду бегал мальчик Жоржик.
Все те же деревенские плетни,
Но вотчиной дожеван сдобный коржик.

О черствый камень хлыст сломала свой
Помещицья облезлая бекеша,
И стал большим в районе головой
Вчерашний крепостной мужик Микеша.

Поля забыли рабский выбег лент
К просторному разросшемуся саду,
Где замышлял когда-то Жорж-студент
Из кафедры построить баррикаду.

Архивы, библиографические разыскания, воспоминания селян и горожан позволили по-новому перечитать страницы жизни классика отечественной культуры, крупного литератора-публициста, значительного общественного деятеля, всемирно известного философа-просветителя:

Он, как в гнезде, здесь крылья отрастил
И профиль мужа выковал орлиный,
Чтобы лететь во всеоружьи сил
На смену тем, кто пал под гильотиной.

Париж с Москвой умом бойца сроднив,
Он утра ждал для ночи ураганов,
Земляк мой по цветам тамбовских трав —
Георгий Валентинович Плеханов.

Знакомство с летописями, с труда-

ми Ключевского, Татищева, Карамзина, Соловьева у Георгия Плеханова еще впереди, а пока отрок из Гудаловки с живейшим интересом созерцал заводскую канцелярию Петра Великого, место, где стоял домик царя-преобразователя, чугунный трехгранник обелиска с надписью: «Незабвенному везде и во всем Великому Отцу Отечества Императору Петру Первому, основателю нашего городка, укававшему в нем целебные источники и новые средства богатства народного. Сооружен усердием купца Павла Небученова в 1839 году. Отлит в г. Тамбове на чугунном заводе Иваном Федоровым».

...Нижний парк встречал спокойным шумом вершин старинных великанов-тополей. Мудры и отзывчивы к человеку могучие деревья. Сколько жизней, чувствований, любовью осеняли они своими ветвями! Сколько признаний, мольбы, горестных раздумий слышали они на веку своем немалом. Нижний и Верхний парки, их окрестности помнили Анну Петровну Бунину — «русскую Сафо», знаменитую поэтессу, члена «Беседы любителей русского слова». Здесь, многократно бывая в Липецке, изволил отдыхать Гаврила Романович Державин, тамбовский губернатор.

Липецкие парки... Каменный лог у городища... Годы и десятилетия... Песенным эхом таяли перелетные годы, зарницами сухих молний вспыхивали исчезающие дни. Свирипели зими, роскошествовали весны; летнее буйство плоти, а потом — осеннее искушение. Вскормленные, вспоенные из родниковых глубин, омытые голубыми дождями, хрустально свежими росами листья, заслышав прощальные крики перелетных стай, вздрагивали предчувствием неудержимого полета. Трепетали от боли материнские и отцовские ветви, расставаясь с единосочной родимой листвою. Опадали наивно презившие о поднебесье, о

лебединой пернатости листья. Уходили от родимого порога, возмужав, дети человеческие. Боль утрат роднила деревья и человека.

Георгий Плеханов узнавал о том, как здесь звучало песенно-вдохновенное слово Василия Андреевича Жуковского («Там небеса и воды ясны! Там песни птичек сладкогласны! О Родина! Все дни твои прекрасны! Где б ни был я, но все с тобой душой»). В дорожном альбоме Жуковского хранились зарисовки Липецка. Василий Андреевич рисовал, памятуя об исторических заметках Карамзина. Все здесь дышало историей... Где-то здесь услодой для пчелиных и шмелиных роев росла-цвела отменная липа. Петром Великим замеченная и в герб города удостоенная. Собор, петровские запруды, городище, парковые аллеи... Сам Жуковский происходил из здешних тульско-липецких мест; был он сыном Афанасия Бунина и пленной турчанки Сальхи.

* * *

Губернский Воронеж. Георгий со все возрастающим интересом узнавал, как государь «приблизил» реку Воронеж к могучему Дону, как венценосец «упражнялся в трудах, работал своими руками как мастер наряду с товарищами»; как затем «неусыпный государь» озаботился появлением «канала, начавшегося копанием для соединения Дона с Окою». Жадно ловило любопытствующее ухо исторические были и былины: о литейном заводе для изготовления пушек, мортир, якорей и всего ко флоту и артиллерии потребного; «сообщательном мосте», пороховых погребках, «нужнейших вещах для флота», ухищрениях «для противоборства набегам варварам». Будущий деятель Интернационала узнавал подробности из быта и бытия Немецкой слободы, которая заселялась мастеровыми из немцев, голландцев, англичан и

итальянцев; были здесь и две лютеранские церкви. Воображение гудаловского отрока будоражили все новые и новые распоряжения неугомонного самодержца: велел тот наловить на Дону и по другим рекам разных родов птиц по приложенной росписи; для столичного зверинца приказано было поймать пять или шесть диких быков, «приискать великих костей, как человеческих, так и слоновых, и других необыкновенных».

Воронежские *университеты* Георгия Плеханова... Что привлекло внимание любознательного отрока из тамбовской Гудаловки? О чем вспоминалось-думалось потом, в Петербурге, Москве, Саратове, Ростове-на-Дону, в далекой Женеве и Париже?

В Воронеже, Тамбове, Липецке уважительно звучало имя Дмитрия Никитича Бегичева, читались его повести и романы, в которых угадывались приметы Поворонежья, характеры и коллизии, имевшие место быть в родимых «палестинах»: «Ольга. Быт русских дворян в начале нынешнего столетия» (1840), «Провинциальные сцены» (1840), «Последствие услуги, оказанной кстати и вовремя» (1842), «Записки губернского чиновника» (1845), «Быт русского дворянина в разных эпохах и обстоятельствах его жизни» (1851).

Особенно заинтересовал земляков «франклинов журнал», который раскрывал и популяризировал методы и методику нравственно-духовного совершенствования личности. Герой бегичевских эпических повествований совершил нравственную работу над собой по методу «франклинова дневника», предполагавшего устранение, преодоление индивидуальных недостатков через самоанализ, ежедневный критический отчет перед самим собой. Георгий Плеханов как раз и озаботился пассионарной идеей нравственного самоусовершенствования («Семейство Холмских»).

Георгий Валентинович рассказывал близким о тамбовско-воронежском «далеком-близком», о первых впечатлениях от стихотворений Некрасова:

— Я был тогда в последнем классе военной гимназии. Мы сидели после обеда группой в несколько человек и читали Некрасова. Едва мы кончили «Железную дорогу», раздался сигнал, звавший нас на фронтное ученье. Мы спрятали книгу и пошли в цейхгауз за ружьями, находясь под сильным впечатлением всего только что прочитанного нами. Когда мы начали строиться, мой приятель С. подошел ко мне и, сжимая в руке ружейный ствол, прошептал: «Эх, взял бы это ружье и пошел бы сражаться за русский народ!» Эти слова глубоко врезались в мою память: я вспоминал их потом всякий раз, когда мне приходилось перечитывать «Железную дорогу»...

Один из участников событий в Воронеже конца 70-х годов XIX века Г. Зиновьев на заседании Петроградского совета 9 июня 1918 года говорил:

— Я не знаю более красочной и более драматической сцены из жизни народных, как эта, — когда Плеханов упрямой походкой, при громадном волнении всех присутствующих, уходит с этого маленького собрания героев-революционеров и Софья Перовская бросает ему вдогонку: «Удержите этого безумца, — куда он уходит от нас?» На это взволнованный Плеханов отвечает решительно и горячо: «Нет, мне с вами не по дороге, я должен порвать с вами, несмотря на то, что мы были связаны теснейшими узами».

Когда стал великим Плеханов? Когда он, оставшись в ничтожном меньшинстве, поднял новое знамя, чтобы проложить новую дорогу против течения...

Позднее Георгий Валентинович с присущим ему остроумием заметил:

— Вначале нас, социал-демократов, была небольшая кучка, над нами смеялись, нас называли утопистами. Но я скажу словами Лассаля: «Нас было мало, но мы так хорошо рычали, что все думали, что нас очень много». И нас, действительно, стало много...

* * *

Тридцать семь лет вдали от родимой земли. Письма близких людей. Из письма Г.В. Плеханова сестре Варваре Валентиновне: «Твоим письмам я страшно рад и чрезвычайно благодарен тебе за то, что ты не забываешь меня... я всегда страшно радуюсь твоим письмам...» Из письма сестре Клавдии Валентиновне: «Поверь... что я буду очень рад повидаться с тобой. Именно потому, что я отрезанный ломоть, я очень дорожу памятью обо мне моих родных... Я помню тебя лишь ребенком, но воспоминания детства мне очень дороги и я люблю тебя по этим воспоминаниям...»

Далекое-близкое... Жоржик с няней в парке гудаловского имения. Сестры и братья, играющие в прятки. Тарантас отца, возвращающегося с сенокоса. Корзина душистой степной клубники...

Прогулка на лодках по Воронежу. Золотые чаши кувшинок. Грациозные белые лилии. Голубые стрекозы над водой. Полосатые окуни в таинственной мерцающей глубине.

Отец и братья, только что приехавшие с охоты. Рассказы, расспросы, страстное желание Жоржа скорее подрасти, чтобы так же седлать коня, чтобы мчаться в малиново-розовую предрассветную мглу навстречу неожиданным, приключениям...

Милые потревоженные тени родных людей!.. Большая семья. Ведь только от первого брака отца детей было семеро: братья Александр, Николай, Митрофан, Григорий, сестры

Мария, Софья, Любовь... От второго же брака отца родились Федор, Александр, Варвара, Клавдия и сам Георгий. Память сердца сохранила дорогое, светлое, заветное о каждом из них... «Чи вы? Чи вы? Чи вы?» — допытывались чибисы в пойменных лугах. «Мы — Плехановы!..» — отвечал им непоседливый Жоржик, наблюдая величавый полет удивительно любознательных пернатых.

Русские книги... Русский шрифт, русские рисунки, русские метафоры... Сам Плеханов приумножал все светную славу русской культуры, русского языка. Многие десятилетия к эстетическим оценкам Бельтовым¹ духовно-художественного наследия Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Глеба Успенского, Тургенева, Белинского, Герцена, Чернышевского, Некрасова, Чехова, М. Горького внимательно прислушивались в Европе.

В свое время Г.В. Плеханов предложил различать две основные разновидности творческих индивидуальностей — художников-социологов и художников-психологов. Эту концепцию (которая, кстати сказать, разделяется в настоящее время многими литературоведами и культурологами) поддержал критик Л.П. Радин (уроженец г. Раненбурга), который полагал, что художник-социолог «рисует нам широкую картину общественных нравов, создает художественные типы, взятые из той или другой социальной среды»; художник же психолог «следит за развитием характера, дает нам историю человеческой души, или развертывает перед нами картину того или другого психологического процесса».

Самобытным представителем направления поэтических мастеров-психологов был Александр Иванович Левитов (уроженец «бывшего города Доброго» на Тамбовщине, почти со-

седствовавшего с плехановской Гудаловкой). Архивные и библиографические разыскания свидетельствуют, что Плеханов намеревался написать специальное исследование об авторе «Горя сел, дорог и городов». Георгия Валентиновича привлекал философско-психологический лиризм, эпическая глубина «музыкальной прозы» земляка-степняка. Сохранились экземпляры сочинений А.И. Левитова с пометками Плеханова. Заметим кстати, что отношение Плеханова к Левитову, его оценки левитовских произведений перекликаются с бунинскими и горьковскими оценками. Напомним, что Иван Бунин говорил, что Левитов «был когда-то в одном из первых мест в русской литературе, и был не случайно»; Максим Горький видел в Левитове «одного из лучших лириков в прозе».

Плеханов — одна из самых трагических фигур нашего, пожалуй, самого трагического времени в истории человечества. Природа одарила его гениальностью, высоким даром добра, справедливости, человеколюбия. В конце жизненного пути он увидел крушение своих надежд. Разочарование, горечь, предчувствие неумолимой беды, грозящей России... Вокруг кишело жестокое лицемерное, подлое... Никто не хотел слышать предостережений... Диктатура зла, диктатура подлости, вакханалия смерти, бешенство изуверства и чужебесия... Плеханов «не переставал твердить» (в полемике с Михайловским, Лениным, Троцким, Зиновьевым), что все надежды «перескочить этап исторического развития» есть «пустые иллюзии, безжалостно разбиваемые действительностью». Плеханову до сих пор не могут простить его резкого неприятия анархизма, вульгарного радикализма, его осуждение «безумности и крайне вредной попытки по-

¹ Н. Бельтов — псевдоним Г.В. Плеханова.

сеять анархическую смуту на Русской Земле». Плеханову до сих пор не могут простить предостережения, что «эгоистическое самоопределение — угроза революционному самоопределению народов России».

...Возвращение на Родину в апреле 1917 года. Тысячи петроградцев встречали его, приветствуя от представителей всех четырех Государственных Дум, от имени Советов Рабочих и Солдатских депутатов; просветителя-патриота приветствовали делегации Шестого Гренадерского полка, Московского запасного полка, Финляндского полка, делегации заводов Феникс, Парвиаинен, Патронного, Металлического, Арсенала. Приветствовали от Бестужевских курсов, от института путей сообщения, от железнодорожников, от интеллигенции, молодежи, ветеранов. Растроганный Георгий Валентинович коротко отвечал на каждое приветствие, призывая к единству, защите Отечества от вражеского нашествия, к государственной-державной мудрости.

Только год на родине отвела ему судьба. Плеханов предостерегал, убеждал, взывал... К сожалению, к его мудрому голосу не прислушались. Г. Зиновьев безапелляционно изрек: «Для нас Плеханов умер в 1914 году...»

В отечественной и европейской журналистике и публицистике Плеханов был известен под псевдонимами Н. Бельтов, А. Кирсанов, А. Волгин, Н. Каменский, Н. Андреевич. Библиографии зафиксировали его Собрание сочинений в 24 томах (1923—1927), трехтомную «Историю русской общественной мысли» (1925), восемь книг «Литературного наследия Г.В. Плеханова» (1934—1940). В разные годы выходили его «Литература и эстетика», «Избранные философские произведения», «Письма без адреса».

К сожалению, достойное имя все-

мирно известного гуманиста-просветителя, общественного деятеля европейского масштаба, крупнейшего мыслителя незаслуженно забывается, вклад его в историю мировой культуры нередко искажается, вольно или невольно фальсифицируется.

Посмотрите каталоги-картотеки библиотек наших высших учебных заведений (включая университеты и академии): что могут предложить они о Плеханове? Есть ли что из плехановского наследия на книжных полках общеобразовательных школ, лицеев, колледжей, техникумов, профтехучилищ? Увы, увы!.. Если и есть где беглое или случайное упоминание о нем, то непременно как о разгромленном давным-давно «меньшевике»-неудачнике.

Из школьного курса занозой торчит в памяти отроков и отроковиц разухабистое речение Владимира Маяковского: «сам заскулил товарищ Плеханов». Помните в поэме «В.И. Ленин»: «Интеллигентчики ушли от всего и все изгадили. Заперлись дома, достали свечки, ладан курят — богоскисатели. Сам заскулил товарищ Плеханов: — Ваша вина, братцы! Вот и пустили крови лохани! Нечего зря за оружие браться...»

Даже Н.К. Крупская «почти суеверно» протестовала против оголтело-вульгарного унижения личности Плеханова, которого «подминали» и «чистили» «под Ленина»: «Господи, помилуй! Господи, помилуй! — горестно причитала ошарашенная соратница вождя. — А того, что Ленин о Плеханове писал, не читали явно...» А потом «умники» (как это ни парадоксально, и левые, и правые, и центристы) вообще Плеханова «сбросили с корабля современности». Вот, к примеру, «Основы марксистско-ленинской теории культуры» (подобные издания были десятилетиями «допущены в качестве учебника»). В этих «Основах...» 37 ссылок на «труды»

Л.И. Брежнева и... ни одного упоминания о сочинениях Г.В. Плеханова. К сожалению, это отнюдь не единственный случай.

Не прислушались... Наломали дров... Кровью умывалась Россия... Неужели это неизбежность? Неужели всеильны эгоизм, цинизм, пошлость? Неужели жизнь прожита зря? Неужели во вред народу пошли идеи, согревавшие его мятежную юность?

Большое видится на расстоянии... «Статьи Плеханова превосходны», — аттестация Фридриха Энгельса. «Пора, пора написать о Плеханове хорошую книгу...» — звучало во многих публикациях 1920-х годов. Эта задача актуальна и поныне.

Патриотическая, государственно-державная позиция Плеханова обусловила тот факт, что в 1941 году его имя было названо Верховным Главнокомандующим *первым* в числе тех великих соотечественников, деяния которых вдохновляли на Победу над фашистским нашествием. В блокадном Ленинграде выходили брошюры о Плеханове, печатались статьи о нем как «величайшем представителе русского народа». Говорилось, что нация Плеханова и Герцена, Глинки и Чайковского, Чернышевского, Кутузова, Суворова, Горького и Чехова непобедима. Русский народ, славный именами Плеханова, Белинского, Пушкина, Толстого, Репина и Сурикова, Сеченова и Павлова «вечно будет жить и развиваться».

